

«Я не народный, я инородный»

25 мая Олегу Далю исполнилось бы 65 лет. Его нет с нами уже четверть века. Успело вырасти поколение, не знающее толком (а то и вообще не знающее), кто такой Даль...

Детские вымученные глаза

— Когда в 1967 году Олег пришел ко мне приглашенный по поводу фильма «Женя, Женечка и «катюша», я сразу ощутил, что хочу снимать именно его, — вспоминает режиссер Владимир Мотыль. — Он не пытался понравиться. Я бы даже сказал: напротив, он эпатировал не только своим пренебрежительным тоном, но и ярко-малиновым пиджаком. Позже я понял: все это было от отчаяния. Из «Современника» он только что ушел, с кино в ту пору не ладилось — это был вызов, кураж наперекор всему!.. Но я сразу оценил и его ум, и принципиальность. Без обиняков он дал понять: «Сойдемся в понимании роли — буду сниматься, нет — значит, не буду!» И независимость такая тоже понравилась. В результате он прекрасно сыграл Женю Колышкина...

Олегу Далю не суждено было найти «своего» режиссера, хотя в 1969-м он был к этому как никогда близок: Григорий Козинцев пригласил его на роль Шута в свой фильм «Король Лир». «Современный человек — человек размышляющий», — любил повторять Григорий Михайлович. И образ Шута он трактовал нетрадиционно, очень по-своему, связав его с современностью: «Мальчик, стриженный наголо. Искусство при тирании. Мальчик из Освенцима, которого заставляют играть на скрипке в оркестре смертников; бьют, чтобы он выбирал мотивы повеселее. У него детские вымученные глаза». Даль подходил Козинцеву идеально. Они восхищались друг другом. Когда «Лир» появился на широком экране, успех был огромный — фильм завоевал призы на фестивалях в Чикаго, Тегеране, Милане... Но в мае 1973-го Козинцев скончался...

Даль мог бы сыграть гораздо больше, чем сыграл. Он часто отказывался от ролей — не созвучных его мироощущению, да и вообще был очень требователен к творчеству. О роли Крестовского, принесшей ему широкую известность (фильм «Земля Санникова»), отзывался: «Дешевое зрелище с песнями». Хотел отказаться от съемок, режиссеры едва уговорили не делать этого.

По воспоминаниям, оставленным женой артиста Елизаветой Алексеевной, у них дома в туалете лежала огромная пачка сценариев, от которых Даль отказался:

— У него была масса предложений сыграть что-то партийное, советское, за что он получил бы большие деньги, звания... Все отвергалось на корню. Ни за одну его роль сейчас не стыдно. Ни за один фильм я не краснею, и не покраснел бы он.

Никто не терзал его больше, чем он сам

— Я встретился с Далем в конце 70-х в Театре на Малой Бронной, — рассказывает пи-

«Совэксспортфильм»

сатель и драматург Эдвард Радзинский. — Олег одновременно репетировал две мои пьесы: «Продолжение Дон Жуана» и «Лунин, или Смерть Жака». «Лунин» — история о последних трех часах жизни человека... Я навсегда запомнил, как он играл. Осветители забывали давать свет, а режиссер забывал им кричать, чтобы они его давали. Он играл такой физический, вещественный ужас перед смертью, играл на-так-ом страданий, что было ясно: так невозможно сыграть всю пьесу, это немыслимо! Он и не сыграл. Как гоголевский герой в «Женитьбе», убежал из театра накануне премьеры. Поддал заявление об уходе. Я пришел к нему домой. Я унижался, я его просил... Он косноязычно объяснял мне что-то... Нет, все было бессмысленно! Но я понял — не хотел понимать, но понял: он был болен одной из самых прекрасных и трагических болезней — манией совершенства.

После этого Даль не играл в Театре на Малой Бронной. Затем совсем недолго он прослужил в Малом... Однако главным театром в его жизни был — и навсегда остался — «Современник».

Даль был счастлив, когда сразу по окончании Щепкинского театрального его приняли в «Современник», бывший тогда самым популярным, самым передовым театром столицы. Поначалу он боготворил Ефремова и, несмотря на то, что на первых порах ему не выпадало главных ролей, не чувствовал себя ущемленным. Но постепенно акценты смести-

лись... Даль отдал «Современнику» в общей сложности 13 лет. При этом трижды уходил — и дважды возвращался. Другого не приняли бы, но Дalia ценили и Ефремов, и вставшая «у руля» после него Волчек. При ней Даль сыграл самые свои знаменитые театральные роли: Васку Пепла из горьковской пьесы «На дне» и сэра Эгьючика из шекспировской «Двенадцатой ночи»...

Почему уходил? Все-таки мучила творческая нереализованность — это стало причиной первого увольнения. А потом...

— Я смотрю на «Современник» тех лет как бы глазами Олега, — говорит Владимир Мотыль. — В период махрового застоя с этим театром произошло то же, что и с другими: острота, социальная актуальность были вытеснены конъюнктурными постановками. Надо было пережить это время, но Даль компромиссов не признавал. Начались конфликты с партнерами, руководством, нервные срывы...

Даль пил. Об этом вспоминают многие актеры «Современника».

Но они же уточняют: алкоголиком не был! Он был человеком высокого напряжения: когда все горело внутри, надо было хоть как-то расслабляться — и Даль хватался за выпивку. Покинул театр сам, по собственному желанию. Переживали и Волчек, и он — однако обратного пути не было.

— После Малой Бронной я с Далем не работал, — вспоминает Радзинский. — Лишь раз мы встретились на улице. Он увидел меня, словно убийца убитого. Заметался, но деться было некуда — мы шли навстречу друг другу... Избави бог, у меня не было к нему никаких счетов! Разве можно прощать или не прощать актеру? Актеры — существа особые. Они не подвластны простому суду. Смешно обижаться на Дalia хотя бы потому, что никто не терзал его больше, чем он сам.

Он был человеком высокого напряжения: когда все горело внутри, надо было хоть как-то расслабляться.

— Олег считал: артист — это тайна. Он должен делать свое дело и исчезать, — рассказывает Валентин Гафт. — В него не должны тыкать пальцем на улицах. Он должен показывать свое лицо в работе, как Вертинский свою белую маску — а потом снимать эту маску, чтобы его не узнавали...

Даль терпеть не мог восторженных девочек-поклонниц, которые его одолевали. По улицам ходил в кепке, с высоко поднятым воротником — не любил, когда узнавали. Дом свой держал закрытым. В гости приглашал только тех, кем искренне восхищался. О светс-

ких раутах и речи быть не могло! Он не искал дешевой популярности. И до конца продолжал тщательно выбирать «созвучные» себе киносценарии, даром что в театре был занят мало и жил небогато.

«Мразь чиновничья! Что останется от вас?»

Из последних наиболее ярких работ: Сергей («В четверг и больше никогда»), Зилов («Отпуск в сентябре» по вампировской «Утиной охоте»), принц Флоризель («Приключения принца Флоризеля»)... Однако в это же самое время, в конце 70-х, Даль отказывается от роли бортинженера Скворцова в фильме Митты «Экипаж» (ее сыграл Леонид Филатов) и роли учителя Мироу в «Безымянной звезде» Козакова. Казалось бы — какие проблемы? У режиссеров не было претензий к актеру. Но руководство «Мосфильма» посчитало поступок Олега нарушением трудовой дисциплины — и выпустило негласное распоряжение: в течение трех лет актера в картинах киностудии не снимать! Началась травля. Когда в 1980 году режиссер Леонид Марягин пригласил Дalia на главную роль в картину «Незванный друг», заведующий актерским отделом «Мосфильма» заявил, что не допустит этого, и вызвал актера на аудиенцию. Из воспоминаний Елизаветы Дали: «Он оскорблял Олега: «Кто вы такой? Вы думаете, что вы артист? Да вас знает никто не знает!.. Вы рвач. Вам только деньги нужны!» Олег молчал, сжимал кулаки, потому что понимал — еще минута, и он ударит. Долго не мог прийти в себя».

После этой встречи в дневнике Дalia появилась запись: «Какая же сволочь правит искусством. Нет, неверно, искусства остается все меньше, да и править им легче, потому что в нем, внутри, такая же лживая и жадная сволочь... Ну что ж, мразь чиновничья, поглядим, что останется от вас, а что от меня!» Этот дневник артист вел последние десять лет жизни, в нем — боль, отчаяние на разрыв. «Январь 72. Хранить СЕБЯ! Это ГЛАВНОЕ. Не приспособиться, не обезличиться. Обратиться внутрь — там моя сила. Дело — моя крепость... Январь 75. Соцреализм — гибель искусства... сжирание искусства хамами, бездарями, мещанами, дельцами, тупицами на высоких должностях. Соцреализм — определение, не имеющее никакого определения». Ни слова о личном, только роли, творчество. Никому не показывал. Даже любимая жена Лиза прочла дневник только после смерти Олега Ивановича.

А Марягин все-таки снял свой фильм: роль молодого ученого Свиридова стала последней для Олега Дали.

Он умер в 40 лет, не получив ни званий, ни наград за свои замечательные работы. Незадолго до смерти на концерте ведущий оговорился, назвав его «народным артистом».

«Я не народный, я инородный», — поправил Даль.

■ Рита Болотская.

Даль О. 1920-05-06 (март)